



ГОНЕНИЯ НА ХРИСТИАН В III В.

Е. М. Штаерман

В своей работе «К истории первоначального христианства» Энгельс, отдавая должное заслугам Бруно Бауэра в деле критики евангелий, отмечает однако, что последний зашел слишком далеко, «отнеся возникновение христианства на полсотни лет вперед, отбросив противоположные сообщения римских историков и вообще позволив себе большие вольности в изложении истории»¹. В дальнейшем на эту же позицию гиперкритицизма, склонного считать подложными все свидетельства римских историков о христианах в I и II вв., стал ряд буржуазных ученых. Среди них надо отметить более известных у нас Дрекса² и Виппера³. Несмотря на их показательный радикализм, Ленин характеризует их как «идейных рабов буржуазии», «дипломированных лакеев поповщины»⁴.

Однако и некоторые наши советские авторы⁵ некритически восприняли систему отрицания свидетельств античных авторов о раннем христианстве. Тенденция эта проистекает из стремления подчеркнуть реакционность христианства как религиозной идеологии и замолчать революционно-демократический дух раннего христианства как массового движения угнетенных.

Наибольшим нападкам подвергались данные о преследованиях христиан при Нероне, особенно рассказ об этом эпизоде у Тацита (Анн., XV, 44). Если Виппер считал позднейшей вставкой только слова, непосредственно относящиеся к Христу, то Дрекс, следуя за Ошаром, отрицает подлинность всего отрывка. В этом вопросе за Дреksom следовали и советские авторы. Аргументация Дрекса исходит не из анализа и интерпретации самого текста Тацита, а из предвзятых рассуждений. Она сводится к тому, что христиане при Нероне были еще неотделимы от иудеев, что современные писатели о них не упоминают, и что даже уже во времена Тацита христиане еще были очень незначительной силой и не могли бы вызвать такое резкое осуждение с его стороны, какое отразилось в этом рассказе⁶.

Наряду с Тацитом Дрекс отвергает и свидетельство Светония⁷, ссылаясь на то, что равнодушный к религии Нерон не стал бы карать христиан, к тому же еще мало отличавшихся тогда от евреев⁸.

¹ М. и Э., Соч. т. XVI, ч. II, стр. 415.

² Дрекс, Миф о Христе, М., 1924, т. II.

³ Виппер, Происхождение христианства, М., 1918.

⁴ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 185.

⁵ Можно назвать В. Рожичина, Золотая легенда, М., 1930; В. Недельского, Революция рабов и происхождение христианства, М., 1936.

⁶ Дрекс, Миф о Христе, М., 1924, т. II, стр. 39—43.

⁷ Светоний, Нерон, XVI.

⁸ Дрекс, ук. соч., т. II, стр. 38.

После Тацита и Светония о нероновом гонении сообщает Тертуллиан; в V главе «Апологии» Тертуллиан пишет: «Справьтесь с вашими летописями. Вы увидите, что Нерон первый обнажил меч против христиан». Если ссылка на «летопись» имеет в виду даже не «Анналы» Тацита¹, значит, был какой-то другой источник, в котором уже было упомянуто гонение Нерона. Нельзя предположить, чтобы Тертуллиан ссылался на летописи, если бы там была христианская интерполяция. Неужели могли бы не заметить ее противники Тертуллиана?

Древс сам признает, что на создание образа апокалиптического зверя повлияло представление о Нероне как о гонителе христиан, но, чтобы спасти свою концепцию, Древс отстает позднее возникновение Апокалипсиса Иоанна, на который будто бы повлияла укрепившаяся легенда о Нероне². В противоположность ему Энгельс не видел основания отрицать нероновские гонения, допуская, что «откровение было написано при Гальбе, вероятно, в самом конце его правления или же, самое позднее, во время трехмесячного правления Отона»; и далее: «что же удивительного, что среди христиан, на которых Нерон направил первое серьезное гонение, распространилось мнение, что он вернется снова как антихрист»³. Энгельс считал, что только в связи с гонением Нерона возможно правильное и простое объяснение «Откровения» Иоанна.

Естественно, что отрицатели гонений ставили под вопрос не только подлинность 44-й главы XV книги Тацита, но также и подлинность переписки Плиния и Траяна по вопросу о христианах⁴. Бруно Бауэр считал, что позднейшей интерполяцией является только положительный отзыв Плиния о христианах⁵. Однако отношение Плиния к христианам совсем не так уж одобрительно. На христианство он смотрит как на грубое, хотя и не преступное суеверие, которое не стоит того, чтобы серьезно им заниматься, и такое мнение он старается под видом почтительного вопроса внушить и Траяну⁶.

Наконец, о том, что христиане и в I—II вв. подвергались преследованиям, свидетельствует антихристианская литература II в. Но характер и размах этих преследований, их причины и политическое значение изменялись по мере изменения характера и роли самого христианства и его церковной организации. В I—II вв. бывали отдельные случаи местных выступлений против отдельных христианских общин или их руководителей. В III в. гонения принимают организованный, систематический и официальный характер.

О причинах гонений на христиан в древнем Риме существует много самых различных мнений. Большинство так или иначе приближается к точке зрения Гиббона, который связывал гонения с отходом христиан от общественной жизни и их отказом от императорского культа. Античное государство, несмотря на свою веротерпимость, требовало лояльности в отношении государственной религии и соглашалось на исключение лишь для евреев, религия которых опиралась на древнюю национальную традицию. Моммзен считает, что римская веротерпимость простиралась только на лиц, не пользовавшихся правами гражданства, от граждан же требовался отказ от чужеземных культов (*religio externa*); однако государство

¹ Что Тертуллиан знал Тацита, показывает его ссылка на «Истории» последнего в XVI гл. «Апологии».

² Там же, стр. 37.

³ М. и Э., Соч., т. XVI, ч. II, стр. 427.

⁴ Древс, ук. соч., т. II, стр. 257.

⁵ В г. В а е г, *Christus und die Caesaren*, стр. 273. А. Ранович считает христианской вставкой конец письма Плиния. «Античные критики христианства», стр. 244.

⁶ Ср. R. R e i t z e n s t e i n, *Die Hellenistischen Mysterienreligionen*, Lpz., 1927, стр. 124.

шло навстречу религиозным чувствам населения, расширяя круг *religio licita* по мере расширения прав гражданства. Моммзен не находит в римском праве статьи, по которой христиане могли бы привлекаться к ответственности как таковые; их обвиняли либо в кощунстве, либо в оскорблении величества, причем центральное правительство наказывало христиан лишь в виде уступки фанатизму масс; только в III в. некоторые императоры сами подпали под влияние этого фанатизма и организовали массовое преследование христиан. Моммзен считает, что противодействие переходу граждан в иноземные культы оказывало не только центральное правительство: муниципии поступали таким же образом в отношении своих граждан¹.

С запрещением не иноземных, но тайных культов и мистерий связывает преследование христиан Рейценштейн, приписываящий это запрещение страху римского правительства перед всякими тайными союзами, которые могли стать удобной формой для организации всякого рода антигосударственных заговоров².

Но существует также и точка зрения, отрицающая вообще какие-либо религиозные ограничения в Риме. Укажем для примера хотя бы на мнение Lust'a, который доказывает, что известные нам случаи запрещения тех или иных культов были вызваны только тем, что участники их подозревались в преступлениях (запрещение вакханалий), безнравственности или мошенничествах (изгнание поклонников Изиды и иудеев при Тиберии). Христиане преследовались не за отступление от национальной религии, а по подозрению в отвлечении граждан от лояльности государству³.

Сами христиане, как это явствует из «Апологии» Тертуллиана, стараются доказать, что их преследовали за одно «имя», хотя Тертуллиан и отмечает, что христианам, кроме «имени», вменялись в вину нежелание почитать императора, отказ от общественной жизни, разврат, ритуальные убийства и т. п.

Надо заметить, что гонения первых двух веков значительно отличались по своему характеру от гонений III в.⁴ Если III в. они бесспорно исходили от центральной власти, были оформлены соответственными декретами и должны были носить массовый характер, то до конца II в. они были более или менее случайны. На это указывает известное свидетельство Оригена о незначительности числа пострадавших за веру. Евсевий также упоминает лишь о небольшом количестве мучеников во времена Антонинов⁵. Лактанций в своем сочинении «*De mortibus persecutorum*» из гонителей до Деция упоминает только Нерона и Домициана⁶. Евсевий даже склонен был приписывать Антонину Пию, Адриану и М. Аврелию специальные эдикты⁷ в защиту

¹ См. M o m m s e n, *Der Religionsfrevel nach Römischem Recht. Gesammelte Schriften*, Berlin, 1907, т. III, стр. 389—422.

² R. R e i t z e n s t e i n, *Hellenistische Mysterienreligionen*, Lpzg., 1927. Против мнения Рейценштейна и Моммзена можно возразить, что они не учитывают усиления преследования христиан в III в., когда проникновению чужеземных культов и мистерий уже не ставилось никаких преград.

³ H. L u s t, *The study of the persecutions*, JRS, 1937, XXV.

⁴ Это отмечают Моммзен, Рейценштейн и др.; особенно резко подчеркивает разницу Болотов во II т. «Лекций по истории древней церкви».

⁵ Правда, возможно, что здесь сказалось общее всем христианским писателям стремление показать, что гонения производились только злыми императорами и что популярные Антонины были их покровителями. У Евсевия эта тенденция настолько сильна, что он даже гонения 177 г. в Галлии приписывает Веру, чтобы выставить Марка Аврелия защитником христиан.

⁶ Правда, его целью было показать, что гонители умирали жестокой смертью; но если бы были очень известные гонения, он бы о них, конечно, упомянул.

⁷ Подлинность их более чем сомнительна. Моммзен считал подлинным эдикт Адриана, такого же мнения держится Болотов («Лекции по истории древней церкви», Спб., 1910; стр. 82—88), признающий подложность двух других декретов. Но в подлинности эдикта Адриана заставляет сомневаться указание SHA («Адриан», XIV и XXII)

христиан. Возникновение представления о таких эдиктах, конечно, могло объясняться только отсутствием крупных гонений со стороны центрального правительства. Те же преследования христиан, которые имели место, возникали стихийно, и представители власти скорее уступали внешнему влиянию, чем играли активную роль. На это указывает и ответ Траяна Плинию: христиан следовало подвергать взысканию только тогда, когда это было необходимо, чтобы не вызвать резкого взрыва недовольства. Наглядной иллюстрацией этой политики может служить приведенный у Евсевия рассказ о гибели смирнского епископа Поликарпа, смерти которого потребовал у префекта собравшийся в цирке народ (Е в с е в и й, Церк. ист., IV, 15). Нередко инициаторами преследования христиан выступали жрецы различных восточных культов, маги, предсказатели, видевшие в христианах опасных конкурентов¹. В «Деяниях апостолов» (XIX, 24—39) говорится о выступлении против христиан эфесских ремесленников, работавших на храм и опасавшихся, что успех христианской проповеди затронет их доходы. Евсевий повествует о гибели известного христианского деятеля Юстина по вине философа-киника Кресцента, который, терпя поражение в публичных диспутах с Юстином, убеждал народ в том, что христиане—безбожники и нечестивцы (Е в с е в и й, IV, 15). Известный христианский погром в Александрии при Филиппе Арабе начался, по свидетельству епископа Дионисия Александрийского, из-за подстрекательства какого-то мага или поэта². Интересно также более объективное свидетельство Лукиана, который в своем «Александре, или лжепророке» показывает, как шарлатан Александр, приступая к своим мистериям, изгоняет эпикурейцев и христиан с помощью толпы своих почитателей. Когда одна из его проделок не удалась, он натравил народ на эпикурейцев (гл. 38), что он, конечно, мог сделать и в отношении христиан.

Возмущение против христиан нередко вспыхивало во время различных стихийных бедствий, неурожаев, эпидемий, так как их, как «безбожников», считали виновными, навлекшими на народ гнев и кару богов (Т е р т у л л и а н, Апол., 40).

Причины правительственных гонений III в. лежали глубже. Христианство возникло как движение рабов и бедняков, бесправных и угнетенных, покоренных и рассеянных Римом народов. И хотя во II—III вв. официальная церковь начала «забывать» «наивности» раннего христианства, она продолжала оставаться в оппозиции к «языческой» империи и враждебной «языческой» идеологии. «Равенство всех людей,—замечает Энгельс,—греков, римлян и варваров, свободных и рабов, граждан и иностранцев представлялось античным умам не только безумным, но и преступным, и, с этой точки зрения, было последовательно, что первоначальное равенство всех людей в христианстве вызывало преследования»³.

В конце II и начале III в. христианство делает быстрые успехи в империи. «Все те элементы,—пишет Энгельс,—которые высвободил, то-есть выбросил за борт, процесс разложения старого мира, один за другим попа-

на презрение Адриана к чужеземным религиям и, особенно, на запрещение обрезания евреям, поскольку меры против евреев и христиан большей частью принимались одновременно.

¹ О соперничестве колдунов, астрологов, аскетов различных направлений см. Reitzenstein, *op. cit.*, стр. 201.

² Евсевий, VI, 41. Это письмо Дионисия Александрийского дает интересную картину христианского погрома: «Один предвещавший этому городу бедствия маг или поэт, кто бы он ни был, еще прежде возбуждал и возмущал против нас толпы язычников, стараясь воспламенить их к местному суеверию». Побив камнями нескольких христиан, язычники «начали врваться в дома христиан, и каждый спешил ограбить известного себе соседа и расхитить его имущество».

³ М. и Э., Соч., т. XIV, стр. 367.

дали в сферу притяжения христианства, как единственной силы, которая противостояла этому процессу разложения, ибо сама она была его собственным необходимым продуктом,—и которая поэтому сохранилась и росла, тогда как другие элементы были только мотыльками-однодневками¹.

Быстрее всего христианство распространилось в азиатских провинциях, где сложилась новозаветная литература и откуда во II в. выходили, в основном, христианские писатели.

Христианство тем быстрее распространялось в провинции, чем в больший упадок приводило ее римское владычество. Еще при Адриане и Антонине Пие провинции, очевидно, сохраняли видимое благополучие. Но при Марке Аврелии положение начинает изменяться. Правда, его биограф говорит] о его кротости в отношении провинциалов (SHA, «М. Аврелий», XVII), но война и чума не могли не отразиться на положении провинций. На это указывают такие объективные данные, как движение буколов в Египте (там же, «Авидий Кассий», VI), волнения в провинции секванов и в Испании (там же, «М. Аврелий», XXII), мятеж Авидия Кассия в восточных провинциях.

Если при Марке Аврелии уже явственно ощущаются симптомы надвигающегося кризиса, то при нем же начинается преследование христиан, по типу гораздо более близкое к гонениям III, чем II в.²

Это гонение было начато уже по инициативе правительства. Христианам был запрещен доступ в бани, общественные здания и на форум. Затем последовали избиения и преследования христиан. Их судили и в Лионе, и в Смирне, однако число пострадавших было невелико. Для Малой Азии Евсевий называет 5—7 человек. Для Лугудуна он говорит о 10 отпавших и о 5 особенно стойких мучениках. Были мученики и в Египте. О галльских христианах проконсул запросил императора и получил предписание отсечь упорствующим головы. Значит, император стал придавать христианской опасности большое значение, видя в христианах не просто невежественных людей, зараженных грубым суевением. Скорее всего, это новое отношение к христианам можно связать с начавшимся движением в провинциях. Лугудун был как раз важнейшим городом той провинции секванов, волнения в которой подавил Марк Аврелий. Гонения имели место в восточных провинциях, где действовал Авидий Кассий, и в Египте, где происходило восстание буколов.

Нет никаких указаний на то, что христиане принимали какое-нибудь участие во всех этих волнениях. Римские источники вообще крайне редко упоминают о христианах, а христианские умолчали бы о подобных фактах, если бы они и имели место, поскольку обычно ставили своей целью доказать лояльность христиан. Но даже если предположить, что активного участия в антиимперских движениях христиане не принимали, вполне естественно, что правительство, обеспокоенное непокорностью провинций, не могло попрежнему терпимо относиться к христианам, к которым все больше начинали примыкать оппозиционно настроенные элементы.

Так же как Марк Аврелий, вел себя в отношении христиан и Септимий Север. После победы над Нигером и Альбином он расправился с их сторон-

¹ Там же, т. XVI, ч. II, стр. 414.

² Об этом гонении мы знаем от Евсевия, который говорит о преследовании христиан в Азии (IV, 15) и Галлии (V, 1). Лактанций об этом гонении умалчивает, но это может быть объяснено тенденциозностью его сочинения: М. Аврелий как добродетельный император не должен был потерпеть кару как гонитель. Но, видимо, гонение действительно имело место. Евсевий, хотя также старавшийся выставить М. Аврелия защитником христиан, не мог умолчать о самом факте бывшего в его правление гонения, так как оно было, вероятно, общеизвестно. Однако, чтобы спасти репутацию М. Аврелия, Евсевий приписывает гонение не ему, а Веру. О гонениях говорится и в приведенной у Евсевия апологии Мелитона, обращенной к Марку Аврелию (Е в с е в и й, IV, 26).

никами, а также и с поддерживавшими Нигера городами Неаполисом (Сихемом) и Антиохией, отняв у них все права и привилегии (SHA, «Септимий Север», IX, XI). В связи с подавлением восстания в Сирии и Палестине был запрещен переход в иудейство. Одновременно запрещалось и принятие христианства (там же, XVIII). Свидетельство это (очень важное при редкости упоминания в языческих источниках о политике императоров в отношении христиан) подтверждается указанием Евсевия на мученичество ряда епископов при Септимии Севере, а также многих оглашенных из школы катехетов в Александрии (Евсевий, VI, 1, 2, 4). Гибель епископов указывает на то, что преследовались не только новообращенные, но и лица, возглавлявшие христианские общины. Опять, как и при Марке Аврелии, гонение на христиан вспыхивает после подавления движения в провинциях и восстания узурпаторов¹.

Правда, следует еще раз указать на то, что христианские источники прямо отрицают всякую связь христиан с активно борющимися против империи элементами. Тертуллиан неоднократно ставит на вид, что христиане не составляют заговоров («Апол.», 38), что они не мстят, несмотря на то, что по большой численности своей могли бы «в одну ночь с несколькими факелами воздать злом на зло» («Апол.», 37). Наконец, он прямо говорит, что среди христиан нет Кассиев, Нигеров и Альбинов, которые появляются только среди язычников («Апол.», 35; «К Скап.», 2). Но, во-первых, Тертуллиан не объективен, поскольку он хочет доказать полную лояльность христиан, а, во-вторых, даже если христиане не принимали активного участия в борьбе, их пассивная оппозиция не могла быть долее терпима правительством, когда провинциальные восстания грозили целостности империи. К тому же христиане не всегда, видимо, стояли вполне в стороне от всякой политической и антиимператорской борьбы. На это указывает союз епископа Павла Самосатского с пальмирской царицей Зиновией в ее борьбе с Римом. К Павлу примыкала группа сирийских христиан-еретиков—анти-тринитариев, которым, видимо, были выгодны сепаратистские стремления Зиновии. Как известно, Аврелиан после победы над последней разделался и с Павлом, поддержав кандидатуру епископа ортодоксального направления.

От Септимия Севера до Деция нет никаких достоверных известий о гонениях. Евсевий (VI, 28) кратко упоминает о том, что «Максимин гнал верных», но никаких подробностей не дает. Лактанций вовсе не упоминает о гонениях Максимиана. Это может явиться сильным доводом в пользу того, что этих гонений вовсе не было, так как, в противном случае, Лактанций, конечно, использовал бы гибель Максимиана как лишний пример постигающей гонителей небесной кары.

Надо заметить, что если в отношении большинства императоров I и II в. христиане могли с некоторым правом утверждать, что только тираны и злодеи были их гонителями, то в конце II и, главное, в III в. картина меняется. Преследуют христиан императоры, заслужившие всяческое одобрение от своих биографов в SHA. Не вдаваясь в подробный анализ этого в высшей степени темного источника, заметим, однако, что ориентация его в основном была сенатской. Авторы всегда ставят императорам в заслугу, что они уважали сенат и не казнили беспричинно сенаторов. Высокое уважение к сенату приписывается в особенности двум гонителям—М. Аврелию и Валериану. Из сенаторов происходил также Деций, биография которого, к сожалению, не сохранилась, и скудные сведения о котором можно почерпнуть только из биографии Валериана.

¹ Если учесть, что в результате волнения в Иудее иудейская религия подвергалась преследованиям при Адриане и при том же Септимии Севере, связь между гонениями на христиан и провинциальными движениями покажется еще более вероятной.

При большинстве императоров антисенатского направления христиане пользовались более или менее значительной свободой и безопасностью. Отношение римского сенатского сословия к христианам всегда было враждебно. Это видно на примере идеологов этого сословия—Тацита, Светония и др. В середине III в. это отношение не изменилось, как видно из написанной Дионом Кассием речи Мецената к Августу, в которой определенно подается совет всячески бороться с иноземными культами. Антагонизм между сенатской партией и христианами особенно возрос к половине III в. Если при Марке Аврелии можно только смутно предполагать связь между ростом оппозиционности провинций, распространением там христианства и преследованием его со стороны правительства, то в середине III в. эта связь становится гораздо ощутительнее. Христианство становится одной из форм проявления недовольства провинциальных средних землевладельцев, муниципальной знати против «разрушительно действующего высасывания средств» со стороны Рима. Быстро меняется состав самой христианской общины в сторону перенесения центра тяжести с «трудящихся и обремененных» на представителей более зажиточных слоев. Число последних растет, они начинают оттеснять прежних демократических членов христианской церкви и, воспринимая христианское учение, изменяют его в более приемлемом для себя направлении.

Одним из важных моментов кризиса III в. было обострение отношений Рима с провинциями, намечавшееся уже в конце II в., но в полной мере вышедшее на поверхность только в середине III в. Начинается борьба центральной власти с различными узурпаторами и провинциальными волнениями и, конечно, она не могла больше игнорировать христианство, становившееся наиболее жизнеспособной и преуспевающей формой провинциальной оппозиции. Это неизбежно должно было привести и привело к усилению борьбы государства с христианскими общинами. Намеки на связь между гонениями на христиан и конфликтами в провинциях мы видели уже при Марке Аврелии и Септимии Севере, более явно эта связь выступает при Деции¹.

Деций был императором сенатской ориентации, сменившим различных антисенатских императоров, часто выходцев из провинций. Как таковой, он выражал интересы партии, ставленником которой он был. Деций старался обеспечить лояльность провинций и искоренить христианство, дававшее идеологическое обоснование все возраставшему стремлению провинциалов уклониться от исполнения государственных повинностей.

Как доказывает М. Мейер на основе дошедших до нас *libelli*, эдикт Деция касался не только христиан, но и всех жителей Римской империи².

¹ Интересно отметить, что впоследствии в указе против христиан Галерия прямо указывалась связь этого эдикта с какими-то антигосударственными действиями христиан в провинциях: «Мы всегда тщательно пеклись о благе и пользе государства, но ничего так усердно не желали, как привести вещи в прежний порядок и привести христиан к религии отцов их, от которой они отстали, ибо, не довольствуясь тем, что пренебрегли обрядами, предками их введенными, они дошли до такого безумия, что вздумали составлять сами себе законы и учреждать различные собрания в провинциях. Мы это запретили нашими указами» (Л а к т а н ц и й, *De mort. pers.*, XXXIV). Правда, этот указ издан был на 50 лет позже дециева, но за это время явление могло измениться только количественно, а не качественно, так как классовый состав христиан остался тем же, возросло лишь их число, а также еще более обострились отношения с империей.

² М. Мейер, *Die Libelli aus der Decianischen Christenverfolgung*. АРАУ, 1910, 18. А. И. Покровский («Соборы древней церкви», Сергиев Посад, 1915, стр. 360), ссылаясь на Григорий Нисского, который пишет, что Деций повелел применить все роды наказания, «чтобы возвратить их (христиан) к отеческому служению демонам», считает, что эдикт Деция запрещал легальное существование христиан и устанавливал наказание отказавшихся принести жертву богам.

Если даже дело обстояло так, то в основном эдикт имел в виду, конечно, христиан. Другие культы не препятствовали исполнению предписания о жертвоприношении; а евреи, единственные, кроме христиан, которым их вера могла помешать подчиниться эдикту, были, очевидно, из него изъяты. Вероятно, эдикт имел целью выявить христиан и получить законный предлог расправиться с ними за неподчинение императорскому указу. Об этом говорит, между прочим, и тот факт, что в эдикте Валериана, продолжавшего политику Деция, уже нет приказа о жертвоприношении, а просто объявляется о каре тем, «*quicumque vel prius confessi fuerant, vel nunc confessi fuerint*»¹. Когда христиане были выявлены, уже нечего было требовать от граждан новой присяги, эдикт можно было направить прямо против них. Существует мнение², что гонение Деция, так же как и гонение Валериана, не являлось результатом определенной, систематически проводимой политики, а было вызвано влиянием и происками египетского жречества. Мнение это опирается на тот факт, что гонению Деция предшествовало возглавляемое магом антихристианское восстание в Александрии, а на Валериана, по словам Евсевия, большое влияние имел Макриан, много занимавшийся египетской магией. Волнения против христиан бывали и раньше, причем языческие жрецы и колдуны играли в них известную роль, но обычно эти волнения вели только к местным мерам против христиан и кончались осуждением нескольких наиболее видных представителей общины. Если же Деций счел нужным распространить свой эдикт на всю империю и заставить ревностно приняться за его выполнение³, то причины, побудившие его к этому, должны были лежать глубже—в общей намечаемой им политике. К тому же, Дионисий Александрийский (Е в с ., VI, 41) отнюдь не связывает александрийского погрома с гонениями Деция; наоборот, из его письма явствует, что после избиения христиан язычники оставили их в покое, занявшись междоусобицей. И только с приходом к власти Деция все александрийские христиане стали ждать гонений. Такое же положение было и в Карфагене. Киприан уехал из Карфагена еще до эдикта Деция в связи с начавшимися там антихристианскими волнениями. Очевидно, Деций как ставленник сенатской партии был уже раньше известен недружелюбным отношением к христианам. Когда он стал императором, христиане с полным правом стали опасаться начала преследований: их враги, почувствовав, что за ними стоит мощная поддержка, сочли возможным начать открыто и активно выступать против христиан. Причины политики Валериана в отношении христиан тоже было бы неправильно ограничивать одними личными мотивами—влиянием Макриана на императора. Для связи ее с положением в провинциях важно, что именно провинциальные римские власти, по свидетельству Киприана (Письмо 65), особенно настаивали на гонении; префекты, по его словам, требовали наказания для всякого христианина и конфискации его имущества. Валериан был сенатским ставленником и проводил сенатскую политику, продолжая такую же политику Деция⁴. Эдикт Вале-

¹ К и п р и а н, Письмо 66.

² J. M a u r i c e, *Les pharaons Romains*. Byzantion, 1937, XII, 1—2, стр. 84—85.

³ Как известно, для выполнения приказа Деция были созданы специальные комиссии в городах и провинциях; принесшим жертвы выдавали удостоверения.

⁴ Для подтверждения того, что гонения были именно политикой сенатского направления и что они были направлены на подавление провинциальной оппозиции, интересно проследить христианскую политику ближайших преемников Валериана, в частности, Галлиена и Аврелиана. Галлиен, как сообщает его биограф в SNA, с полным равнодушием относился к отпадению провинций и появлению многочисленных узурпаторов. Вместе с тем, он превозносится Евсевием (VII, 11) за дарование мира христианам. Аврелиан, считавшийся восстановителем империи, вначале даже покровительствовал христианам и помог римской церкви в ее борьбе с еретиком Павлом Самосатским.

риана, отрывок из которого дошел до нас в переписке Киприана (Письмо 66), направлен почти исключительно против возглавляющих христианские общины клириков, а также против знатных и влиятельных лиц, исповедующих христианство: «rescripsisse Valerianum ad senatum ut episcopi et presbyteri et diacones in continenti animadvertantur, senatores vero et egregii viri et equites Romani dignitate amissa etiam bonis spoliuntur et si adeptis facultatibus christiani [esse] perseveraverint capite quoque multentur, matronae adeptis bonis in exilium relegentur, caesariani autem, quicumque vel prius confessi fuerant vel nunc confessi fuerint confiscentur et vincti in caesarianas possessiones descripti mittantur». Этот эдикт — лишнее доказательство тому, что Валериан (а также Деций) преследовал христианство не как религию, а как организацию. Он желал уничтожить ее руководителей, а также лиц, оппозиция которых казалась наиболее опасной. Замечательно также, что в эдикте Валериана, вопреки всей предыдущей практике, восходившей еще к рескрипту Траяна, отречение от христианства не приносит окончательного оправдания сенаторам и всадникам; оно только спасает жизнь, а не достоинство и состояние, а цезарианам вообще ничего не дает, так как уже и за прежнее исповедание (очевидно, при Деции) они несут наказание. Это показывает, что правительство стало смотреть на принадлежность к христианству как на настоящее преступление, очевидно, предполагая, что эта принадлежность влечет за собой и антиправительственные взгляды или действия. Христиане стали рассматриваться как политические противники, которых надо было обезоружить, отняв у них высокое положение и богатство, и лишить возможности организовать вокруг себя недовольных; а это достигалось заключением в тюрьму или изгнанием клириков и запрещением христианских собраний.

Несмотря на решительное намерение бороться с христианами, гонения далеко не носили той устрашающей формы, какую им обычно приписывает католическая историография¹. Так, из письма Корнелия антиохийскому епископу Фабию (Е в с., VI, 42) мы узнаем, что во время самого разгара гонения Деция в Риме оставалось 7 диаконов, 7 иподиаконов, 46 пресвитеров, 42 аколуга, 52 экзорцистов и чтецов, которые содержали 1 500 немущих, хоронили погибших, увещевали христиан не отречься, стоя около самых храмов, и т. д. Та же картина, судя по письму Дионисия Александрийского, имела место и в Александрии (Е в с., VI, 42). В Карфагене также оставался многочисленный клир, поддерживавший оживленную переписку с Римом и с Киприаном; исповедников в тюрьмах постоянно навещали христиане, иногда собираясь даже целыми толпами, в темницу допускались пресвитеры и диаконы, которые молились с заключенными (К и п р., Письмо 6). Невелико было и число мучеников. Так, Дионисий Александрийский называет 17 человек (Е в с., VI, 42), такое же число мучеников приводит и Лукиан в письме к Целериану для Карфагенской церкви. При этом 14 человек из этих 17 умерли в тюрьме, один — в каменоломне и только двое погибли действительно под пыткой. И, однако, несмотря на это, гонения как будто на первых порах имели решительный успех.

Источники указывают на большое число отречшихся от христианства — «lapsi». Дионисий Александрийский и Киприан пространно описывают, как христиане сами спешили принести жертву богам, не дожидаясь, чтобы их схватили и насильно повели в храм. Киприан неоднократно опла-

Вполне вероятно, что он уже предвидел возможность и выгодность союза церкви и государства. Но к концу своего царствования он, как определенно указывают Лактанций и Евсевий, носился с мыслью о новом гонении на христиан. Это могло быть связано с волнениями в провинции и в Риме, которые Аврелиан жестоко подавил, а также предпринятыми им дальнейшими шагами в направлении всеобщего закрепощения.

¹ Например, см. A l l a r d, Histoire des persécutions pendant le III-e siècle, 1894.

кивает значительные массы отпавших и говорит даже о «гибели народа, некогда столь многочисленного» («De lapsis», IV). О количестве «lapsi» говорит также то, что впоследствии исповедники выдавали до 1000 писем мира в день¹. Но, несмотря на это видимое поражение, победа в борьбе государства с христианством явно осталась за последним. «Вопреки всем преследованиям,— пишет Энгельс,— а часто даже при их помощи христианство... неудержимо прокладывает себе путь вперед»². Очень яркую иллюстрацию к этим словам Энгельса дает история Карфагенской церкви во время гонений, в освещении Киприана (письма и трактаты).

Гонения укрепляли христианство, способствуя его централизации, которая зашла так далеко, что мог уже встать вопрос о главенстве одного епископа во всем христианстве. По существу, к вопросу о том, кто будет главой церкви, сводилась, правда, в замаскированной форме, борьба между Киприаном и римским епископом Стефаном.

Другим показателем укрепления церкви был тот факт, что вскоре разразившееся гонение Валериана, жертвой которого пал и сам Киприан, не повлекло за собой массового отпадения, как гонение Деция (К и п-риан, Письмо 64).

Христианство, в котором теперь «трудящиеся и обремененные» отходили на задний план, становились в ортодоксальной церкви только покорными почитателями и послушным стадом клира, теряло свой первоначальный демократически-революционный дух. Дух этот должен был теперь искать свое выражение в различных ересьях. Но христианская община все-таки оставалась организацией, оппозиционной империи и Риму. Враждебность к ней государства принимала все более активные формы по мере увеличения удельного веса провинциальной оппозиции в христианстве. Церкви нужна была крепкая, централизованная, способная дать отпор нападению врага организация, а создавать таковую гонения не только не мешали, а, наоборот, помогали. Поэтому и победа оставалась на стороне христианства, подготавливая в недалеком будущем мир и союз с империей.

¹ К и п р и а н, Письмо 14. Такое массовое отпадение тем более удивительно, что со времени Тертуллиана взгляд на обязанности христианина во время гонения значительно смягчился. Тертуллиан считал, что бегство от гонения равно отречению от Христа. Лучше отречься от Христа под пыткой, чем бежать («Лучше солдат, павший в бою, чем дезертир»). Киприан считает бегство вполне дозволенным: и сам он и Дионисий Александрийский бежали, бросив свою паству. Киприан, с своей обычной склонностью к казуистике, старается доказать, что скрыться от преследований лишь немногим менее почтенно, чем погибнуть за веру: «Когда миновал срок, назначенный для отречения от веры, то кто не отрекся в срок, тем самым исповедал. Попасть в руки язычников и там исповедать господу—это первое победное отличие, осторожно скрыться, чтобы тем сохранить себя для господу,— это вторая ступень к славе. Там исповедание всенародное, здесь тайное...» Оставив наследственное имущество (*patrimonio derelicto*), он скрылся потому, что не желал отречься, и, конечно, исповедал бы Христа, если бы был схвачен. Киприан, «De lapsis», III.

² М. и Э., Соч., т. XVI, ч. II, стр. 409.

